

Советские подозрения

В то время как все неприятности, связанные с отходом Советского Союза от «духа Ялты», служили предметом длительной переписки, изложенной в предыдущей главе, между английским и американским правительствами и Советами происходил еще более резкий и важный обмен мнениями. Хотя автор счел целесообразным рассказать об этих вопросах в отдельных главах, не следует забывать, что описываемые события были взаимосвязаны и одно событие постоянно и неизбежно влияло на другое.

К середине февраля нацисты поняли, что поражение близко. Продвижение советских армий, победы Александра в Италии, провал германской контратаки в Арденнах и продвижение Эйзенхауэра к Рейну убедили всех, кроме Гитлера и его близких соратников, что капитуляция неминуема и неизбежна. Возник вопрос: кому сдаваться? Германия уже более не могла вести войну на два фронта. Мир с Советами был явно невозможен. Правители Германии были сами слишком хорошо знакомы с тоталитарным гнетом, чтобы желать импортировать его с востока. Оставались союзники на западе. Нельзя ли, рассуждали они, заключить сделку с Великобританией и Соединенными Штатами? Если удастся заключить перемирие на западе, они смогут сосредоточить свои войска против советского наступления. Упорствовал лишь Гитлер. С третьим рейхом

покончено, и он погибнет вместе с ним. Но некоторые из его последователей тайно пытались установить контакт с союзными странами, говорящими на английском языке. Все предложения, которые они вносили, были, конечно, отвергнуты. Наши условия предусматривали безоговорочную капитуляцию на всех фронтах. В то же самое время наши командующие на поле боя всегда были должным образом уполномочены принимать чисто военную капитуляцию противостоящих им войск противника. Попытка договориться о такой капитуляции в то время, когда мы вели бои на Рейне, привела к резкой перепалке между русскими и президентом, которого я поддерживал.

В феврале генерал Карл Вольф, командующий войсками СС в Италии, через итальянских посредников установил контакт с американской разведкой в Швейцарии. Было решено проверить полномочия лиц, участвующих в этом деле, и этой операции дали шифрованное название «Кроссворд». 8 марта генерал Вольф сам появился в Цюрихе и встретился с Алленом Даллесом, возглавлявшим американскую организацию. Вольфу прямо заявили, что не может быть и речи о переговорах и что разговор может продолжаться лишь на базе безоговорочной капитуляции. Сведения об этом были сразу же переданы в штаб-квартиру союзников, а также американскому и английскому правительствам. 15 марта английский и американский начальники штабов в Казерте генерал Эйри и генерал Лемнитцер тайно отправились в Швейцарию. Четыре дня спустя, 19 марта, состоялась вторая предварительная встреча с генералом Вольфом.

Я сразу же понял, что советское правительство может заподозрить, что речь идет о сепаратной военной капитуляции на юге, которая позволила бы нашим армиям продвинуться вперед против ослабившего свое сопротивление противника до самой Вены и далее, даже к Эльбе или Берлину. Поскольку все наши фронты вокруг Германии составляли часть общего союзнического фронта, то, естественно, на русских отразилось бы все то, что могло произойти на любом из этих фронтов. Если установлен какой-либо контакт с противником, официальный или неофициальный, русским следует своевременно сообщить об этом. Этого правила мы придерживались скрупулезно. Ни на одной из стадий не было и речи о том, чтобы скрыть что-либо от русских. Находившиеся в то время в Швейцарии представители союзников даже изучали средства для тайной переброски русского офицера, который присоединился бы к ним, если бы советское правительство пожелало послать кого-нибудь.

В соответствии с этим 21 марта Иден дал указание нашему послу в Москве сообщить советскому правительству об этих событиях, что он и сделал. На следующий день Молотов вручил ему письменный ответ:

«В течение двух недель в Берне за спиной Советского Союза, который несет на себе основное бремя войны против Германии, происходили переговоры между представителями германского военного командования,

с одной стороны, и представителями английского и американского командования — с другой».

Сэр Арчибальд Кларк Керр, конечно, объяснил, что Советы неправильно поняли то, что случилось, и что «переговоры», о которых идет речь, представляют собой лишь попытку проверить полномочия генерала Вольфа. Комментарии Молотова были грубыми и оскорбительными. «В этом деле, — писал он, — советское правительство усматривает не какое-либо недоразумение, а нечто худшее».

Перед лицом такого потрясающего обвинения мне казалось, что лучше молчать, чем состязаться в обвинениях, и 24 марта я написал Идену:

Премьер-министр — министру иностранных дел

24 марта 1945 года

В данный момент эти «переговоры» прекратились. Они могут возобновиться в гораздо более важном районе, чем Италия. В таком случае военные и политические вопросы будут переплетаться. Русские, быть может, законно опасаются, что мы можем пойти на сделку на западе, для того чтобы задержать их как можно дальше на востоке. В общем лучше не посылать никакого ответа (Молотову), пока мы не снесемся с Вашингтоном, куда вам следует передать русское послание.

Необходимо было также предупредить наших военных командующих на западе. Поэтому я показал оскорбительное письмо Молотова Монтгомери и Эйзенхауэру, с которыми я в это время наблюдал за операциями по форсированию Рейна.

Генерала Эйзенхауэра это сильно расстроило; его возмутили обвинения, которые он считал крайне несправедливыми и необоснованными, ставившими под сомнение нашу добропорядочность. Он сказал, что как командующий вооруженными силами он готов принять безоговорочную капитуляцию любой воинской части противника на его фронте, начиная от роты до целой армии, так как считает это чисто военным делом и имеет достаточно широкие полномочия, чтобы принимать такого рода капитуляцию, не спрашивая чьего-либо мнения. Если, однако, возникнут политические вопросы, он немедленно проконсультируется с правительствами. Он опасался, что если бы русских привлекли к обсуждению вопроса о капитуляции вооруженных сил, находившихся под командованием Кессельринга, то проблема, которую он сам мог бы урегулировать в течение одного часа, возможно, затянулась бы на три-четыре недели, что привело бы к тяжелым потерям для наших войск. Эйзенхауэр дал ясно понять, что он потребовал бы, чтобы все войска, подчиняющиеся офицеру, предлагающему капитуляцию, сложили все свое оружие и оставались на месте до получения дальнейших указаний, с тем чтобы не было никакой возможности перебросить их через Германию для оказания сопротивления русским.

Одновременно он постарался бы продвинуться через капитулировавшие войска как можно дальше на восток.

Я и сам считал, что эти вопросы следует оставить на его усмотрение и что правительства должны вмешаться лишь в том случае, если возникнут какие-либо политические вопросы. Я не видел причины для огорчений в случае, если в результате массовой капитуляции на западе мы дойдем до Эльбы или даже дальше до того, как туда дойдет Сталин.

Премьер-министр — министру иностранных дел

25 марта 1945 года

...Мы должны спросить Соединенные Штаты, какова их позиция и согласятся ли они теперь, чтобы президент и я послали телеграмму Сталину и, во-вторых, чтобы эта телеграмма, как вы говорите, касалась и других вопросов, а именно: доступа в Польшу, отношения к нашим военнопленным, обвинений, ставящих под сомнение нашу добропорядочность в отношении Берна, вопроса о Румынии и т. д.

Отказ Молотова поехать в Сан-Франциско, несомненно, является выражением советского недовольства. Мы должны заявить Рузвельту, что в этих условиях весь вопрос о поездке в Сан-Франциско поставлен под сомнение и что сейчас необходимо совершенно определенное совместное выступление Англии и Соединенных Штатов против нарушения ялтинских соглашений, если мы хотим, чтобы такого рода совещание имело какую-либо ценность. По-моему, русских нужно держать в курсе с самого начала, и мы должны действовать в соответствии с нашим долгом, нашими явными выгодами и нашим очевидным правом. Они требуют, чтобы им во всем уступали по каждому вопросу и чтобы они ничего не давали в обмен, за исключением военного давления, которое они никогда еще не оказывали в чьих-либо интересах, кроме собственных. Им следует дать почувствовать, что мы также имеем свою точку зрения. По моему мнению, военные представители в случае разногласий в переговорах должны обращаться к своим правительствам до того, как они придут к какому-либо выводу.

5 апреля я получил от президента поразительный текст его переписки со Сталиным. Вот эти телеграммы:

Маршал Сталин — президенту Рузвельту

3 апреля 1945 года

Получил Ваше послание по вопросу о переговорах в Берне.

Вы совершенно правы, что в связи с историей о переговорах англо-американского командования с немецким командованием где-то в Берне или в другом месте «создалась теперь атмосфера достойных сожаления опасений и недоверия».

Вы утверждаете, что никаких переговоров не было еще. Надо полагать, что Вас не информировали полностью. Что касается моих военных коллег, то они на основании имеющихся у них данных не сомневаются в том, что переговоры были и они закончились соглашением с немцами, в силу которого немецкий командующий на западном фронте маршал Кессельринг согласился открыть фронт и пропустить на восток англо-американские войска, а англо-американцы обещались за это облегчить для немцев условия перемирия.

Я думаю, что мои коллеги близки к истине. В противном случае был бы непонятен тот факт, что англо-американцы отказались допустить в Берн представителей советского командования для участия в переговорах с немцами.

Мне непонятно также молчание англичан, которые предоставили Вам вести переписку со мной по этому неприятному вопросу, а сами продолжают молчать, хотя известно, что инициатива во всей этой истории с переговорами в Берне принадлежит англичанам.

Я понимаю, что известные плюсы для англо-американских войск имеются в результате этих сепаратных переговоров в Берне или где-то в другом месте, поскольку англо-американские войска получают возможность продвигаться в глубь Германии почти без всякого сопротивления со стороны немцев, но почему надо было скрывать это от русских и почему не предупредили об этом своих союзников — русских?

И вот получается, что в данную минуту немцы на западном фронте на деле прекратили войну против Англии и Америки. Вместе с тем немцы продолжают войну с Россией — союзницей Англии и США.

Понятно, что такая ситуация никак не может служить делу сохранения и укрепления доверия между нашими странами.

Я уже писал Вам в предыдущем послании и считаю нужным повторить здесь, что я лично и мои коллеги ни в коем случае не пошли бы на такой рискованный шаг, сознавая, что минутная выгода, какая бы она ни была, бледнеет перед принципиальной выгодой по сохранению и укреплению доверия между союзниками.

Это обвинение сильно разгневало президента. Его здоровье не позволило ему самому написать ответ. Генерал Маршалл составил следующий ответ, который Рузвельт одобрил. Ответ, безусловно, был составлен в достаточно сильных выражениях.

Президент Рузвельт — маршалу Сталину

5 апреля 1945 года

Я с удивлением получил Ваше послание от 3 апреля, содержащее утверждение, что соглашение, заключенное между фельдмаршалом

Александром и Кессельрингом в Берне, позволило «пропустить на восток англо-американские войска, а англо-американцы обещались за это облегчить для немцев условия перемирия».

В моих предыдущих посланиях Вам по поводу попыток, предпринимавшихся в Берне в целях организации совещания для обсуждения капитуляции германских войск в Италии, я сообщал Вам, что: i) в Берне не происходило никаких переговоров; ii) эта встреча вообще не носила политического характера; iii) в случае любой капитуляции вражеской армии в Италии не будет иметь место нарушение нашего согласованного принципа безоговорочной капитуляции; iv) будет приветствоваться присутствие советских офицеров на любой встрече, которая может быть организована для обсуждения капитуляции.

В интересах наших совместных военных усилий против Германии, которые сейчас открывают блестящую перспективу быстрых успехов в деле распада германских войск, я должен по-прежнему предполагать, что Вы питаете столь же высокое доверие к моей честности и надежности, какое я всегда питал к Вашей честности, и надежности.

Я также полностью оцениваю ту роль, которую сыграла Ваша армия, позволив вооруженным силам, находящимся под командованием генерала Эйзенхауэра, форсировать Рейн, а также то влияние, которое окажут впоследствии действия Ваших войск на окончательный крах германского сопротивления нашим общим ударам.

Я полностью доверяю генералу Эйзенхауэру и уверен, что он, конечно, информировал бы меня, прежде чем вступить в какое-либо соглашение с немцами. Ему поручено требовать и он будет требовать безоговорочной капитуляции тех вражеских войск, которые могут потерпеть поражение на его фронте. Наше продвижение на западном фронте является результатом военных действий. Скорость этого продвижения объясняется главным образом ужасающим ударом наших военно-воздушных сил, который привел к разрушению германских коммуникаций, а также тем, что Эйзенхауэру удалось подорвать силы основной массы германских войск на западном фронте в то время, когда они находились еще к западу от Рейна.

Я уверен, что в Берне никогда не происходило никаких переговоров, и считаю, что имеющиеся у Вас об этом сведения, должно быть, исходят из германских источников, которые упорно старались вызвать разлад между нами с тем, чтобы в какой-то мере избежать ответственности за совершенные ими военные преступления. Если таковой была цель Вольфа, то Ваше послание доказывает, что он добился некоторого успеха.

Будучи убежден в том, что Вы уверены в моей личной надежности и в моей решимости добиться вместе с Вами безоговорочной капитуляции нацистов, я удивлен, что советское правительство, по-видимому,

прислушалось к мнению о том, что я вступил в соглашение с врагом, не получив сначала Вашего полного согласия.

Наконец, я хотел бы сказать, что если бы как раз в момент победы, которая теперь уже близка, подобные подозрения, подобное отсутствие доверия нанесли ущерб всему делу после колоссальных жертв — людских и материальных, то это было бы одной из величайших трагедий в истории.

Откровенно говоря, я не могу не чувствовать крайнего негодования в отношении Ваших информаторов, кто бы они ни были, в связи с таким гнусным, неправильным описанием моих действий или действий моих доверенных подчиненных.

На следующий день я лично написал Сталину:

Премьер-министр — маршалу Сталину

6 апреля 1945 года

1. Президент послал мне письма, которыми Вы обменялись с ним о контакте, установленном в Швейцарии между одним британским и одним американским офицерами из ставки фельдмаршала Александра и германским генералом по фамилии Вольф по вопросу о возможной капитуляции армии Кессельринга в Северной Италии. Поэтому я нахожу уместным послать Вам точное изложение фактов, касающихся действий правительства Его Величества. Как только мы узнали об этом контакте, мы немедленно 12 марта уведомили советское правительство, причем мы и правительство Соединенных Штатов честно сообщили Вам обо всем, что произошло. Все это дело в Швейцарии, которое упоминалось или о котором шла речь в каком-либо отношении, сводилось лишь к тому, чтобы проверить полномочия германского эмиссара и попытаться устроить встречу между уполномоченным Кессельринга и фельдмаршалом Александром в его ставке или в каком-либо удобном пункте в Северной Италии. В Швейцарии не было никаких переговоров, даже о военной капитуляции армии Кессельринга. Тем более в наши намерения, которые не носят такого позорного характера, как о том высказывается предположение, не входил какой-либо военно-политический разговор, как утверждается в Вашей телеграмме президенту.

2. Ваши представители были немедленно приглашены на встречу, которую мы пытались устроить в Италии. Если бы она состоялась и если бы Ваши представители прибыли, то они слышали бы каждое произнесенное слово.

3. Мы считаем, что фельдмаршал Александр имеет полное право принимать на своем фронте в Италии капитуляцию германской армии, состоящей из 25 дивизий, и обсуждать вопросы капитуляции с герман-

скими эмиссарами, облеченными полномочиями договориться об условиях капитуляции. Тем не менее мы специально предусмотрели приглашение Ваших представителей на эти чисто военные переговоры в его ставке, если бы они состоялись. Однако в действительности из всех контактов в Швейцарии ничего не вышло. Наши офицеры возвратились из Швейцарии, не добившись успеха в деле организации в Италии встречи с эмиссарами Кессельринга. Обо всем этом советское правительство было полностью уведомлено шаг за шагом фельдмаршалом Александером или сэром А. Кларком Керром, а также через соответствующие каналы Соединенных Штатов. Я повторяю, что никаких переговоров в Швейцарии какого-либо рода официально или неофициально мы не начинали и к ним даже не приступали.

Однако имеется возможность, что вся эта просьба о переговорах, с которой обратился германский генерал Вольф, была одной из тех попыток, которые предпринимаются врагом с целью посеять недоверие между союзниками. Фельдмаршал Александер особо подчеркнул это в телеграмме, отправленной 11 марта, в которой он заметил: «Прошу обратить внимание, что два руководящих лица являются людьми СС и Гимmlера, что вызывает у меня большое подозрение». Копия этой телеграммы была послана британскому послу в Москве 12 марта для передачи советскому правительству. Если немцы намеревались посеять недоверие между нами, то они на время достигли этого. Сэру А. Кларку Керру было поручено г-ном Иденом объяснить все положение дел г-ну Молотову в его письме от 21 марта. В ответе от 22 марта, полученном им от г-на Молотова, содержалась следующая фраза: «Советское правительство в данном деле видит не недоразумение, а нечто худшее». В этом ответе было выражено также недовольство по поводу того, что «в Берне в течение двух недель за спиной Советского Союза, несущего на себе основную тяжесть войны против Германии, ведутся переговоры между представителями германского военного командования, с одной стороны, и представителями английского и американского командования — с другой». В интересах англо-русских отношений правительство Его Величества решило не давать какого-либо ответа на это крайне оскорбительное и необоснованное обвинение, а решило игнорировать его. Это является причиной того, что Вы в своем послании президенту называете «молчанием англичан». Мы считали, что будет лучше промолчать, чем ответить на такое письмо, которое было послано г-ном Молотовым. Но можете быть уверены, что мы были удивлены этим письмом и оскорблены тем, что г-н Молотов приписывает нам такое поведение. Однако это никоим образом не отразилось на наших указаниях фельдмаршалу Александеру продолжать держать Вас полностью в курсе дела.

4. Неправильно также, что инициатива в этом деле исходила, как Вы заявляете президенту, полностью от англичан. В действительности

переданная фельдмаршалу Александру информация о том, что германский генерал Вольф хочет установить контакт в Швейцарии, была доставлена ему одним американским органом. Между контактом в Берне или где-либо еще и полным поражением германских войск на западном фронте нет никакой связи. В действительности они сражались с большим упорством и нанесли нашим и американским войскам с начала нашего февральского наступления по 28 марта потери, которые превышают 87 000 человек. Однако, имея перед собой численно превосходящие силы на земле и будучи буквально подавленными в воздухе значительно превосходящими англо-американскими военно-воздушными силами, которые только в марте сбросили свыше 200 000 тонн бомб на Германию, германские армии на западе были наголову разбиты. Тот факт, что они имели перед собой численно превосходящие наземные силы на западе, объясняется великолепными ударами и мощью советских армий. Что касается обвинений, которые Вы выдвигаете в Вашем послании президенту от 3 апреля, которые также чернят правительство Его Величества, я и мои коллеги солидаризируемся с последней фразой ответа президента.

7 апреля Сталин ответил на упрек президента.

Маршал Сталин — президенту Рузвельту

7 апреля 1945 года

Получил Ваше послание от 5 апреля.

В моем послании от 3 апреля речь идет не о честности и надежности. Я никогда не сомневался в Вашей честности и надежности, так же как и в честности и в надежности г-на Черчилля. У меня речь идет о том, что в ходе переписки между нами обнаружилась разница во взглядах на то, что может позволить себе союзник в отношении другого союзника и чего он не должен позволить себе. Мы, русские, думаем, что в нынешней обстановке на фронтах, когда враг стоит перед неизбежностью капитуляции, при любой встрече с немцами по вопросам капитуляции представителей одного из союзников должно быть обеспечено участие в этой встрече представителей другого союзника. Во всяком случае, это безусловно необходимо, если этот союзник добивается участия в такой встрече. Американцы же и англичане думают иначе, считая русскую точку зрения неправильной. Исходя из этого, они отказали русским в праве на участие во встрече с немцами в Швейцарии. Я уже писал Вам и считаю не лишним повторить, что русские при аналогичном положении ни в коем случае не отказали бы американцам и англичанам в праве на участие в такой встрече. Я продолжаю считать русскую точку зрения единственно правильной, так как она исключает всякую возможность взаимных подозрений и не дает противнику возможности сеять среди нас недоверие.

Трудно согласиться с тем, что отсутствие сопротивления со стороны немцев на западном фронте объясняется только лишь тем, что они оказались разбитыми. У немцев имеется на восточном фронте 147 дивизий. Они могли бы без ущерба для своего дела снять с восточного фронта 15—20 дивизий и перебросить их на помощь своим войскам на западном фронте. Однако немцы этого не сделали и не делают. Они продолжают с остервенением драться с русскими за какую-то малоизвестную станцию Земляницу в Чехословакии, которая им столько же нужна, как мертвому припарки, но безо всякого сопротивления сдают такие важные города в центре Германии, как Оснабрюк, Мангейм, Кассель. Согласитесь, что такое поведение немцев является более чем странным и непонятным.

Что касается моих информаторов, то, уверяю Вас, это очень честные и скромные люди, которые выполняют свои обязанности аккуратно и не имеют намерения оскорбить кого-либо. Эти люди многократно проверены нами на деле. Судите сами. В феврале этого года генерал Маршалл дал ряд важных сообщений Генеральному штабу советских войск, где он на основании имеющихся у него данных предупредил русских, что в марте месяце будут два серьезных контрудара немцев на восточном фронте, из коих один будет направлен из Померании на Торн, а другой — из района Моравска Острава на Лодзь. На деле, однако, оказалось, что главный удар немцев готовился и был осуществлен не в указанных выше районах, а в совершенно другом районе, а именно в районе озера Балатон, юго-западнее Будапешта. Как известно теперь, в этом районе немцы собрали до 35 дивизий, в том числе 11 танковых дивизий. Это был один из самых серьезных ударов за время войны с такой большой концентрацией танковых сил. Маршалу Толбухину удалось избежать катастрофы и потом разбить немцев наголову между прочим потому, что мои информаторы раскрыли, правда, с некоторым опозданием, этот план главного удара немцев и немедленно предупредили о нем маршала Толбухина. Таким образом я имел случай еще раз убедиться в аккуратности и осведомленности советских информаторов...

Он также послал копию своей телеграммы мне со следующей личной припиской:

Маршал Сталин — премьер-министру
7 апреля 1945 года

...В своем послании президенту от 7 апреля, которое посылаю также Вам, я уже ответил на все основные вопросы, затронутые в Вашем послании относительно переговоров в Швейцарии. Что касается других вопросов, затронутых в Вашем послании, считаю нужным сказать Вам следующее.

Ни я, ни Молотов не имели намерения «чернить» кого-либо. Дело не в желании «чернить», а в том, что у нас выявились тут разные точки зрения по вопросу об обязанностях и правах союзника. Из моего послания на имя президента Вы увидите, что русская точка зрения по этому вопросу является правильной, так как она гарантирует права любого союзника и отнимает у врага всякую возможность сеять недоверие между нами.

Мои послания являются личными и строго секретными. Это дает возможность высказываться ясно и откровенно. В этом плюс секретной переписки. Но если Вы будете каждое мое откровенное заявление принимать за оскорбление, то это очень затруднит такую переписку. Могу заверить Вас, что у меня не было и нет намерения оскорбить кого-либо.

На следующий день президент сообщил мне, что он посылает Сталину следующее послание:

«Благодарю Вас за искреннее объяснение советской точки зрения на бернский инцидент, который сейчас, видимо, отошел в прошлое, не дав никаких полезных результатов.

Во всяком случае, мы не должны допускать взаимного недоверия, и подобного рода мелкие недоразумения не должны возникать в будущем. Я уверен, что, когда наши армии установят между собой контакт в Германии и объединятся в полностью координированном наступлении, нацистские армии будут разгромлены».

И позже:

Президент Рузвельт — премьер-министру

12 апреля 1945 года

Я склонен преуменьшить значение общей советской проблемы, насколько это возможно, поскольку такие проблемы в той или иной форме, очевидно, возникают каждый день и большинство из них устраняется, как это имело место в случае с бернской встречей.

Однако мы должны быть твердыми, и курс, которого мы до сих пор придерживались, является правильным.